А. И. Купринъ.

НЕСЧАСТНАЯ МОЛЧАЛИВАЯ ВѢРА

ЦѢНА 10 СЕНТОВЪ.

Рабочее Книгоиздательство

1916 г.

МОЛЧАНІЕ

Въ одну лунную майскую ночь, когда пѣли соловьи, въ кабинетъ къ о. Игнатію вошла его жена. Лицо ея выржало страданіе, и маленькая лампочка дрожала въ ея рукахъ. Подойдя къ мужу, она коснулась его плеча и, всхлипнувъ, сказала:

— Отецъ, пойдемъ къ Вѣрочкѣ!

Не поворачивая головы, о. Игнатій поверхъ очковъ исподлобья взглянулъ на попадью, и смотрѣлъ долго и пристально, пока она не махнула свободной рукой и не опустилась на низенькій диванъ.

— Какіе вы оба съ ней... безжалостные! — выговорила она медленно съ сильнымъ удареніемъ на послѣднихъ слогахъ, и доброе пухлое лицо ея исказилось гримасой боли и ожесточенія, словно на лицѣ хотѣла она показать, какіе это жестокіе люди, мужъ ея и дочь.

О. Игнатій усмѣхнулся и всталъ. Закрывъ книгу, онъ снялъ очки, положилъ ихъ въ футляръ и задумался. Большая креная борода, перевитая серебряными нитями, красивымъ изгибомъ легла на грудь и медленно подымалась при глубокомъ дыханіи.

— Ну, пойдемъ! — сказалъ онъ.

Ольга Степановна быстро встала и попросила заискивающимъ, робкимъ голосомъ;

— Только не брани ее, отецъ! Ты знаешь, какая она..

Комната Вѣры находилась въ мезонинѣ, и узенькая деревянная лѣстница гнулась и стонала подъ тяжелыми шагами о. Игнатія. Высокій и грузный, онъ наклонилъ голову, чтобы не удариться о полъ верхняго этажа, и брезгливо морщился, когда бѣлая кофточка жены слегка задѣвала его лицо. Онъ зналъ, что ничего не выйдетъ изъ ихъ разговора съ Вѣрой.

— Чего это вы? — спросила Вѣра, поднимая одну обнаженную руку къ глазамъ. Другая рука лежала поверхъ бѣлаго лѣтняго одѣяла и почти не отдѣлялась отъ него, такая она была бѣлая, прозрачная и холодная.

— Вѣрочка... — начала мать, но всхлипнула и умолкла.

— Вѣра! — сказалъ отецъ, стараясь смягчить свой сухой и твердый голосъ. — Вѣра, скажи намъ, что съ тобою?

Вѣра молчала.

— Вѣра, развѣ мы, твоя мать и я, не заслуживаемъ твоего довѣрія? Развѣ мы не любимъ тебя? И развѣ есть у тебя кто-нибудь ближе насъ? Скажи намъ о твоемъ горѣ и, повѣрь мнѣ, человѣку старому и опытному, тебѣ будетъ легче. Да и намъ. Посмотри на старуху-мать, какъ она страдаетъ...

— Вѣрочка!..

— И мнѣ... — сухой голосъ дрогнулъ, точно въ немъ что переломилось, — и мнѣ, думаешь, легко? Какъ будто не вижу я, что поѣдаетъ тебя какое-то горе... а какое? И я, твой отецъ, не знаю его. Развѣ должно такъ быть.?

Вѣра молчала. О. Игнатій съ особенной осторожностью провелъ по своей бородѣ, словно боялся, что пальцы противъ воли вопьются въ нее, и продлжалъ:

— Противъ моего желанія поѣхала ты въ Петербургъ, — развѣ я проклялъ тебя, ослушницу? Или денегъ тебѣ не давалъ? Или, скажешь, не ласковъ былъ я? Ну, что же молчишь? Вот он, Петербургъ-то твой?

О. Игнатій умолкъ, и ему представилось что-то большое, гранитное, страшное, полное невѣдомыхъ опасностей и чуждыхъ, равнодушныхъ людей. И тамъ, одинокая, слабая, была его Вѣра, и тамъ погубили ее. Злая ненависть къ страшному и непонятному городу поднялась въ душѣ о. Игнатія, и гнѣвъ противъ дочери, которая молчитъ, упорно молчитъ.

— Петербургъ здѣсь не при чемъ, — угрюмо сказала Вѣра и закрыла глаза. — —А со мной ничего Идите-ка лучше спать, поздно.

— Вѣрочка! — простонала мать. — Дочечка, да откройся ты мнѣ!

— Ахъ, мама! — нетерпѣливо прервала ее Вѣра.

О. Игнатій сѣлъ на стулъ и засмѣялся.

— Ну-съ, такъ, значитъ, ничего? — иронически спросилъ онъ.

— Отецъ, — рѣзко сказала Вѣра, приподнимаясь на постели, — ты знаешь, что я люблю тебя и мамочку. Но... Ну, такъ, скучно мнѣ немножко. Пройдет все это. Право, идите лучше спать, и я спать хочу. А завтра или когда тамъ — поговоримъ.

О. Игнатій порывисто всталъ, такъ что стулъ ударился о стѣну, и взялъ жену за руку.

— Пойдемъ!

— Вѣрочка..

— Пойдемъ, говорю тебѣ! — крикнулъ о. Игнатій. — Если уже она Бога забыла, такъ мы-то!.. Что уже мы!

Почти насильно онъ вывелъ Ольгу Степановну, и, когда они спускались по лѣстницѣ, Ольга Степановна, замедляя шаги, говорила злымъ шопотомъ:

— У-у Это ты, попъ, сдѣлалъ ее такой. У тебя переняла она эту манеру. Ты и отвѣтишь. Ахъ, я несчастная...

И она заплакала, часто моргая глазами, не видя ступенекъ и такъ опуская ногу, словно внизу была пропасть, въ которую ей хотѣлось бы упасть.

Съ этого дня о. Игнатій пересталъ говорить съ до-

черью, но она словно не замѣчала того. По-прежнему она то лежала у себя въ комнатѣ, то ходила и часто-часто вытирала ладонями рукъ глаза, какъ будто они были у нея засорены. И сдавленная двумя этими молчащими людьми, сама любившая шутку и смѣхъ попадья робѣла и терялась, не зная, что говорить и что дѣлать.

Иногда Вѣра выходила гулять, Черезъ недѣлю послѣ разговора она вышла вечеромъ, по обыкновенію. Болѣе не видали ее живою, такъ какъ она въ этотъ вечеръ бросилась подъ поѣздъ, и поѣздъ пополамъ перерѣзалъ ее.

Хоронилъ ее самъ о. Игнатій. Жены въ церкви не было, такъ какъ при извѣстіи о смерти Вѣры ее хватилъ ударъ. У нея отнялись ноги, руки и языкъ, и она неподвижно лежала въ полутемной комнатѣ, пока рядомъ съ нею, на колокольнѣ, перезванивали колокола. Она слышала какъ вышли всѣ изъ церкви, какъ пѣли противъ ихъ дома пѣвчіе и старалась поднять руку, чтобы перекреститься, но рука не повиновалась; хотѣла сказать: прощай, Вѣра, — но языкъ лежалъ во рту громадный и тяжелый. И поза ея была такъ спокойна, что если бы кто-нибудь взглянулъ на нее, то подумалъ бы, что этотъ человѣкъ отдыхаетъ или спитъ. Только глаза ея были открыты.

Въ церкви на похоронахъ было много народу, знакомыхъ о. Игнатія и незнакомыхъ, и всѣ собравшіеся жалѣли Вѣру, умершую такою ужасною смертью, и сарались въ движеніяхъ и голосѣ о. Игнатія найти признаки тяжелаго горя. Они не любили о. Игнатія за то, что онъ былъ въ обхожденіи суровъ и городъ, ненавидѣлъ грѣшниковъ и не прощалъ ихъ, а самъ въ то же время, завистливый и жадный, пользовался вся кимъ случаемъ, чтобы взять съ прихожанина лишнее. И всѣмъ хотѣлось видѣть его страдающимъ, сломленнымъ и сознающимъ, что онъ виновенъ дважды въ смерти дочери: какъ жестокій отецъ и дурной свя-

щеннослужитель, не могущій уберечь отъ грѣха свою же плоть. И всѣ пытливо смотрѣли на него, а онъ, чувствуя направленые на его спину взгляды, стрался выпрамлять эту широкую и крѣпкую спину, и думалъ не объ умершей дочери, а о томъ, чтобы не уронить себя.

— Каленый попъ! — сказалъ, кивая на него, столяръ Карзеновъ, которому онъ не отдалъ пяти рублей за рамы.

И такъ, твердый и прямой, прошелъ о. Игнатій до кладбища и такой же вернулся назадъ. И только у дверей въ комнату жены спина его согнулась немного; но это могло быть и оттого, что большинство дверей были низки для его роса. Войдя со свѣту, онъ съ трудомъ могъ разсмотрѣть лицо жены, а когда разсмотрѣлъ, что оно совсѣмъ спокоѣно, и на глазахъ нѣтъ слезъ, то удивился. И не было въ глазахъ ни гнѣва, ни горя, — они были нѣмы и молчали тяжело, упорно, какъ и все тучное, безсильное тѣло, вдавившееся въ перину.

— Ну, что, какъ ты себя чувствуешь? — спросилъ о. Игнатій.

Но уста были нѣмы; молчали и глаза. О. Игнатій положилъ руку на лобъ; онъ былъ холодный и влажный, и Ольга Степановна ничѣмъ не выразила, что она ощутила прикосновеніе. И когда рука о. Игнатія была имъ снята, на него смотрѣли, не мигая, два сѣрые глубокіе глаза, казавшіеся почти чрными отъ расширившихся зрачковъ, и въ нихъ не было ни печали, ни гнѣва.

— Ну, я пойду къ себѣ, — сказалъ о. Игнатій, которому сдѣлалось холодно и страшно.

Онъ прошелъ въ гостиную, гдѣ все было чисто и прибрано, какъ всегда, и одѣтыя бѣлыми чехлами высокія кресла стояли, точно мертвецы въ саванахъ. На одномъ окнѣ висѣла проволочная клѣтка, но была пуста, и дверца открыта.

— Настья! — крикнулъ о. Игнатій, и голосъ по-

казался ему грубымъ, и стало неловко, что онъ такъ громко кричитъ въ этихъ тихихъ комнатахъ, тотчасъ послѣ похоронъ дочери. — Настья! — тише позвалъ онъ, — гдѣ канарейка?

Кухарка, плакавшая такъ много, что носъ у нея распухъ и сталъ красный, какъ свекла, грубо отвѣтила:

— Извѣстно, гдѣ. Улетѣла.

— Зачѣмъ выпустила? — грозно нахмурилъ брови о. Игнатій.

Настья расплакалась и, вытираясь концами ситцеваго головного платка, сквозь слезы сказала:

— Душенька... барышнина... Развѣ можно ее держать?

И. о. Игнатію показалось, что желтенькая веселая канарейка, пѣвшая всегда съ наклоненной головкой, была дѣйствительно душою Вѣры, и что если бы она не улеаѣла, то нельзя было бы сказать, что Вѣра умерла. И онъ еще больше разсердился на кухарку и крикнулъ:

— Вонъ! — и когда Настья не сразу попала въ дверь, добавилъ: — дура!

Со дня похоронъ въ маленькомъ домикѣ наступило молчаніе. Это не была тишина, потому что тишина— лишь отсутствіе звуковъ, а это было молчаніе, когда тѣ, кто молчитъ, казалось, могли бы говорить, но не хотятъ. Такъ думалъ о. Игнатій, когда входилъ въ комнату жены и встрѣчалъ упорный взглуядъ, такой тяжелый, словно весь воздухъ обращался въ свинецъ и давилъ на голову и спину. Такъ думалъ онъ, разсматривая ноты дочери, въ которыхъ запечатлѣлся ея голосъ, ея книги и ея портретъ, большой, писанный красками портреъ, который она привезла съ собою изъ Петербурга. Въ разсматриваніи портрета у о. Игнатія установился извѣстный порядокъ: сперва онъ глядйлъ на щеку, освѣщенную на портретѣ, и представлялъ себѣ на ней царапину, которая была на мертвой щекѣ Вѣры, и происхожденіе которой онъ

не могъ понять. И каждый разъ онъ задумывался о причинахъ если бы это задѣлъ поѣздъ, онъ раздробилъ бы всю голову, а голова мертвой Вѣры была совсѣмъ невредима.

Быть можетъ, ногой кти-нибудь задѣлъ, когда подбирали трупъ, или нечаянно ногтемъ?

Но долго думать о подробностяхъ Вѣриной смерти было страшно, и о. Игнатій переходилъ къ глазамъ портрета. Они были черные, красивые, съ длинными рѣсницами, отъ которыхъ внизу лежала густая тѣнь, отчего бѣлки казались особенно яркими, и оба глаза точно были заключены въ черную, траурную рамку. Странное выраженіе придалъ имъ неизвѣстный, но талантливый художникъ: какъ будто между глазами и тѣм, на что они смотрѣли, лежала тонкая, прозрачная пленка. Немного похоже было на черную крышку рояля, на которую тонкимъ, незамѣтным пластомъ налегла лѣтняя пыль, смягчая блескъ полированаго дерева. И какъ ни ставилъ портретъ о. Игнатій, глаза неотступно слѣдили за нимъ, но не говорили, а молчали; молчаніе то быле такъ ясно, что его, казалось, можно было услышать. И постепенно о. Игнатій сталъ думать, что онъ слышитъ молчаніе.

Каждое утро, послѣ обѣдни, о. Игнатій приходилъ въ гостиную, окидывалъ однимъ взглядомъ пустую клѣтку и всю знакомую обстановку комнаты, садился въ кресло, закрывалъ глаза и слушалъ, какъ молчитъ домъ. Это было странное что-то. Клѣтка молчала тихо и нѣжно, и чувствовались въ :томъ молчаніи печаль и слезы, и далекій, умершій смѣхъ. Молчаніе жены, смягченное стѣнами, было упорно, тяжело, какъ свинецъ, и страшно, такъ страшно, что въ самый жаркій день о. Игнатію становилось холодно. Дол гимъ, холоднымъ, какъ могила, и загадочнымъ, какъ смерть, было молчаніе дочери. Словно самому себѣ было мучительно это молчаніе и страстно хотѣло перейти въ слово, но что-то сильное и тупое, какъ машина, держало его неподвижнымъ и вытягивало, какъ

проволоку. И гдѣ-то, на далекомъ концѣ, проволока начинала колебаться и звенѣть тихо, робко и жалобно.

О. Игнатій съ радостью и страхомъ ловилъ этотъ зарождающійся звукъ и, опершись руками о ручки креселъ, вытянувъ голову впередъ, ждалъ, когда звукъ подойдетъ къ нему. Но звукъ обрывался и умолкалъ.

— Глупости! — сердито говорилъ о. Игнатій и поднимался съ креселъ, все еще прямой и высокій. Въ окно онъ видѣлъ залитую солнцемъ площадь, мощеную круглыми, ровными камнями, и напротивъ каменную стѣну длинаго, безъ оконъ, сарая. На углу стоялъ извозчикъ, похожій на глиняное изваяніе, и непонятно было, зачѣмъ онъ стоитъ здѣсь, когда по цѣлымъ часамъ не показывалось ни одного прохожаго.

Внѣ дома о. Игнатію приходилось говорить много: съ причтомъ и съ прихожанами, при исполнени требъ, и иногда съ знакомыми, гдѣ онъ игралъ въ преферансъ; но когда онъ возвращался домой, онъ думалъ, что онъ весь день молчалъ. Это происходило оттого, что ни съ кѣмъ изъ людей о. Игнатій не могъ говорить о томъ, главномъ и самомъ для него важномъ, о чемъ онъ размышлялъ каждую ночь: отчего умерла Вѣра?

О. Игнатій не хотѣлъ понять, что теперь этого узнать нельзя, и думалъ, что узнать еще можно. Каждую ночь — а онѣ всѣ теперь стали у него безсонными — представлялъ онъ себѣ ту минуту, когда онъ и попадья, въ глухую полночь, стояли у кровати Вѣры, и онъ просилъ ее: «Скажи!» И когда въ воспоминаніяхъ онъ доходилъ до этого слова, дальнѣйшее представлялось ему не такъ, какъ оно было. Закрытые глаза его, сохранившіе въ воемъ жракѣ живую, не тускнѣющую картину той ночи, видѣли, какъ Вѣра поднимается на своей постели, улыбается и говоритъ.

Но что она говоритъ? И это невысказанное слово Вѣры, которое должно разрѣшить все, казалось такъ близко, что если отогнуть ухо и задержать біеніе сердца, то вотъ-вотъ услышишь его, и въ то же время такъ безконечно, такъ безнадежно далеко. О. Игнатій вставалъ съ постели, протягивалъ впередъ сложенныя руки и, потрясая ими, просил:

— Вѣра!..

И отвѣтомъ ему было молчаніе.

Однажды вечеромъ о. Игнатій пришелъ въ комнату Ольги Степановны, у которой онъ не былъ уже около недѣли, сѣлъ у ея изголовья и, отвернувшись отъ упорнаго, тяжелаго взгляда, сказалъ:

— Мать! Я хочу поговорить съ тобою о Вѣрѣ. Ты слышишь?

Глаза молчали, и о. Игнатій, возвысивъ голосъ, заговорилъ строго и властно, какъ онъ говорилъ съ исповѣдующимися:

— Я знаю, ты мыслишь, что я былъ причиной Вѣриной смерти. Но подумай, развѣ я любилъ ее меньше, чѣмъ ты? Странно ты разсуждаешь... Я былъ строгъ, а развѣ это мѣшало ей дѣлать, что она хочетъ Я пренебрегъ достоинствомъ отца, я смиренно согнулъ свою шею, когда она не побоялась моего проклятія и поѣхала... туда. А ты, — ты-то не просила ее оставаться и не плакала, старая, пока я не велѣлъ замолчать? Развѣ я родилъ ее такой жестокой? Не твердилъ я ей о Богѣ, о смиреніи, о любви?

О. Игнатій быстро взглянулъ въ глаза жены — и отвернулся.

— Что я могъ сдѣлать съ ней, если она не хотѣла открыть своего горя? Приказывать —я приказывалъ; просить—я просилъ. Что-же, по твоему, я долженъ былъ стать на колѣни передъ дѣвчонкой, и плакать, какъ старая баба! Въ головѣ... откуда я знаю, что у нея въ головѣ! Жестокая, безсердечная дочь!

О. Игнатій ударилъ кулакомъ по колѣну.

— Любви у нея не было — вотъ что! Что уже про меня говорить, ужъ я, извѣстно... тиранъ... Тебя-то она любила? Тебя-то, которая плакала... да унижалась?

О. Игнатій беззвучно разсмѣялся.

— Лю-юбила! То-то, въ утѣшеніе тебѣ и смерть такую выбрала. Жестокую, позорную смерть. Умерла на пескѣ, въ грязи... какъ с-собака, которую ногами въ морду ткаютъ.

Голосъ о. Игнатія зазвучалъ тихо и хрипло.

— Стыдно мнѣ! На улицу выйти стыдно! Изъ алтаря выйти стыдно! Передъ Богомъ стыдно! Жестокая, недостойная дочь! Въ гробу проклясть бы тебя..

Когда о. Игнатій взглянулъ на жену, она была безъ чувствъ, и пришла въ себя только черезъ нѣсколько часовъ. И когда пришла, глаза ея молчали, и нельзя было понять, помнитъ она, что говорилъ ей о. Игнатій, или нѣтъ.

Въ ту же ночь — это была іюльская лунная ночь, тихая, теплая и беззвучная — о. Игнатій на цыпочкахъ чтобы не услыхали жена и сидѣлка, поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ комнату Вѣры. Окно въ мезонинѣ не открывалось съ самой смерти Вѣры, и водухъ былъ сухой и жаркій, съ легкимъ запахомъ гари отъ накалившейся за день желѣзной крыши. Чѣмъ-то нежилымъ и заброшеннымъ вѣяло отъ помѣщенія, въ которомъ такъ давно отсутствовалъ человѣкъ, и гдѣ дерево стѣнъ мебель и другіе предметы издавали тонкій запахъ непрерывнаго тлѣнія. Лунный свѣтъ яркой полосой падалъ на окно и на полъ и, отраженный отъ бѣлыхъ тщательно вымытыхъ досокъ, сумеречнымъ полусвѣтомъ озарялъ углы, и бѣлая чистая кровать съ двумя подушками, большой и маленькой, казалась призрачной и воздушной. О. Игнатій открылъ окно — и въ комнату широкой струей влился свѣжій воздухъ, пахнущій пылью, недалекой

рѣкой и цвѣущей липой, и еле слышное донеслось хоровое пѣніе: вѣроятно, катались въ лодкѣ и пѣли. Неслышно ступая босыми ногами, похожій на бѣлый призракъ, о. Игнатій подошелъ къ пустой постели, подогнулъ колѣни и упалъ лицомъ внизъ на подушки, обнявъ ихъ, — туда, гдѣ должно было находиться Вѣрино лицо. Онъ долго лежалъ такъ, пѣсня стала громче и потомъ, упомкла, а онъ все лежалъ, и длинные черные волосы разсыпались по плечамъ и постели.

Луна передвинулась и въ комнату стало темнѣе, когда о. Игнатій поднялъ голову и зашепталъ, вкладывая въ голосъ всю силу долго сдерживаемой и долго не сознаваемой любви и вслушиваясь въ свои слова такъ, какъ будто слушалъ не онъ, а Вѣра.

— Дочь моя, Вѣра! Ты понимаешь, что это значитъ: дочь? Доченька! Сердце мое и кровье моя, и жизнь моя. Твой старый.... старенькій отецъ, уже сѣдой, уже слабый...

Плечи о. Игнатія задрожали, и вся грузная фигура заколыхалась. Подавляя дрожь, о. Игнатій шепталъ нѣжно, какъ маленькому ребенку.

— Старенькій отецъ... проситъ тебя. Нѣтъ, Вѣрочка, умоляетъ. Онъ плачетъ. Онъ никогда не плакалъ. Твое горе, дѣточка, твои страданія — они и мои. Больше, чѣмъ мои.

О. Игнатій покачалъ головой.

А ты... Вѣдь если бы ты знала, какая ты нѣжная и слабая, и робкая! Помнишь, какъ ты поколола паль-

— Больше, Вѣрочка. Ну, что мнѣ, старому смерть? чикъ, и кровь капнула, и ты заплакала? Дѣточка моя! И ты вѣдь меня любишь, сильно любишь, я знаю. Каждое утро ты цѣлуешь мою руку. Скажи, скажи, о чемъ тоскуетъ твоя головка, и я — вотъ этими руками — я удушу твое горе. Онѣ еще сильныя, Вѣра, эти руки.

Волосы о. Игнатія встряхнулись.

— Скажи!

О. Игнатій впился глазами въ стѣну и протянулъ руки.

— Скажи!

Въ комнатѣ было тихо, и изъ глубокой дали пронесся продолжительный и прерывистый свистокъ паровоза.

О. Игнаій, поводя кругомъ расширившимися глазами, точно передъ ними цсталъ страшный призракъ изуродованнаго трупа, медленно приподнялся съ колѣнъ и невѣрнымъ движеніемъ поднесъ къ головѣ руку съ растопыренными и напряженно выпрямленными пальцами. Отступивъ къ двери, о. Игнатій отрывисто шепнулъ:

— Скажи!

И отвѣтомъ ему было молчане.

На другой день, послѣ ранняго и одинокаго обѣда о. Игнатій пошелъ на кладбище — въ первый разъ послѣ смерти дочери. Было жарко, безлюдно и тихо, какъ будто этотъ жаркій день былъ только освѣщенною ночью, но, по привычкѣ, о. Игнатій старательно выпрямлялъ спину, сурово смотрѣлъ по сторонамъ и думалъ, что онъ все такой же, какъ прежде; онъ не замѣчалъ ни новой и странной слабости въ ногахъ, ни того, что длинная борода его стала совсѣмъ бѣлой, словно жестокій морозъ ударилъ на нее. Дорога къ кладбищу шла по длинной, прямой улицѣ, слегка поднимавшейся вверхъ, и въ концѣ ея бѣлѣла арка кладбищенскихъ воротъ, похожая на черный, вѣчно открытый ротъ, окаймленный блестящими зубами.

Могила Вѣры находилась въ глубинѣ кладбища, гдѣ кончались усыпанныя пескомъ дорожки и о. Игнатію долго пришлось путаться въ узенькихъ тропинкахъ, ломаной линіей проходившихъ между зеленыхъ бугорковъ всѣми забылыхъ и всѣми покину-

ыхъ. Мѣстами попадались покосившіеся, позеленѣвшіе от старости памятники, изломанныя рѣшетки и большіе, тяжелые камни, вросшіе въ землю и съ какой-то угрюмой старческой злобой давившіе ее. Къ одному изъ такихъ камней прижималась могила Вѣры. Она была покрыта новымъ пожелтѣвшимъ аедномъ, но кругомъ нея все зеленѣло. Рябина обнялась съ кленомъ, а широко раскинувшійся кустъ орѣшника протягивалъ надъ могилой свои гибкія вѣтви съ пушистыми, шершавыми листьями. Усѣвшись на сосѣднюю могилу и передохнувъ о. Игнатій оглянулся кругомъ, бросилъ взглядъ, безоблачное пустынное небо, гдѣ въ полной неподвижности висѣл раскаленный солненый дискъ, и тутъ только ощутилъ ту глубокую, ни съ чѣмъ несравнимую тишину, какая царитъ на кладбищахъ, когда нѣтъ вѣтра, и не шумитъ омертвѣвшая листва. И снова о. Игнатію пришла мысль, что это не тишина, а молчаніе. Оно разливалось до самыхъ кирпичныхъ стѣнъ кладбища, тяжело переползало черезъ нихъ и затопляло городъ. И конецъ ему только тамъ — въ сѣрыхъ, упрямо и упорно молчащихъ глазахъ.

О. Игнатій передернулъ похолодѣвшими плечами и опустилъ глаза внизъ, на могилу Вѣры. Онъ долго смотрѣлъ на пожелтѣвшіе коротенькіе стебли травы, вырванной съ землею откуда-нибудь съ широкаго, обвѣваемаго вѣтромъ поля и не успѣвшей сродниться съ чуждой почвой,—и не могъ представить, что тамъ, подъ этой травой, въ двухъ аршинахъ отъ него, лежитъ Вѣра. И эта близость казалась непостижимою и вносила въ душу смущеніе и странную тревогу. Та, о котрой о. Игнатій привыкъ думать, какъ о навѣки исчезнувшей въ темныхъ глубинахъ безконечнаго, была здѣсь, возлѣ... и трудно было понять, что ея все-таки нѣтъ и никогда не будетъ. И о. Игнатію чудилось, что если онъ скажетъ какое-то слово, которое онъ почти ощущалъ на своихъ устахъ, или сдѣлаетъ какое-то движеніе, Вѣра выйдетъ изъ могилы и вста-

нетъ такая же высокая, красивая, какою была. И не только одна она встанетъ, но встанутъ и всѣ мертвецы, которые такъ страшно ощутимы въ своемъ торжественно-холодномъ молчаніи.

О. Игнатій снялъ широкополую черную шляпу, расправилъ волнистые волосы и шепотомъ сказалъ:

— Вѣра!

Ему стало неловко, что его можетъ услышать кто-нибудь посторонній, и, вставъ на могилу, о. Игнатій взглянулъ поверхъ крестовъ. Никого не было, и онъ уже громко повторилъ:

— Вѣра!

Это был старый голосъ о. Игнатія, сухой и требовательный, и странно было, что съ такою силою высказанное требованіе остается безъ отвѣта.

— Вѣра!

Громко и настойчиво звалъ голосъ, и, когда онъ умолкалъ, съ минуту чудилось, что гдѣ-то внизу звучалъ неясный отвѣтъ. И. о. Игнатій, еще разъ оглянувшись кругомъ отстранилъ волосы отъ уха и прилегъ имъ къ жесткому, колючему дерну.

— Вѣра, скажи!

И съ ужасомъ почувствовалъ о. Игнатій, что въ ухо его вливается что-то могильно холодное и студитъ мозгъ, и что Вѣра говоритъ, — но говоритъ она все тѣмъ же долгимъ молчаніемъ. Все тревожнѣе и страшнѣе становится оно, и когда о. Игнатій съ силіемъ отдираетъ отъ земли голову, блѣдную, какъ у мертвеца, ему кажется, что весь воздухъ дрожитъ и трепещетъ отъ гулкаго молчанія, словно на этомъ страшномъ морѣ поднялась дикая буря. Молчаніе душитъ его; оно ледяными волнами перекатывается черезъ его голову и шевелитъ волосы; оно разбивается о его грудь, стонущую подъ ударами. Дрожа всѣмъ тѣломъ, бросая по сторонамъ острые и внезапные взгляды, о. Игнатій медленно поднимается и долгимъ, мучительнымъ усиліемъ старается выпрямить спину и придать гордую осанку дрожащему тѣлу. И это удается

ему. Съ намѣренной медлительностью о. Игнатій отряхиваетъ колѣни, надѣваетъ шляпу, трижды креститъ могилу и идетъ ровною, твердою поступью, но не узнаетъ знакомаго кладбища и теряетъ дорогу.

— Заблудился! усмѣхается о. Игнатій и останавливается на развѣтвленіи тропинокъ

Но стоитъ онъ одну секунду и, не думая, свораиваетъ налѣво, потому то ждать и стоять нельзя. Молчаніе гонитъ. Оно поднимается отъ зеленыхъ могилъ; имъ дышат угрюмые сѣрые кресты, тонкими, удушающими струями оно выходитъ изъ всѣхъ поръ земли, насыщенной трупами. Все быстрѣе становятся шаги о. гнатія. Оглушенный, онъ кружится по однѣмъ и тѣмъ же дорожкамъ, перескакиваетъ могилы, натыкается на рѣшетки, цѣпляется руками за колючіе жестяные вѣнки, и рвется клочьями мягкая матерія. Только одна мысль о выходѣ осталась въ его головѣ. Изъ стороны въ сторону мечется онъ и, наконецъ, безшумно бѣжитъ, высокій и необыкновенный въ развѣвающейся рясѣ и съ плывущими по воздуху волосами. Сильнѣе, чѣмъ самого всавшаго изъ гроба мертвеца, испугался бы всякій, встрѣтивъ эту дикую фигуру бѣгущаго, прыгающаго и размахивающаго руками человѣка, увидѣвъ его перекосившесся безумное лицо, услыхавъ глухой хрипъ, выходившій изъ его открытаго рта.

оС всего разбѣгу о. Игнатій выскочилъ на площадку, въ концѣ которой бѣлѣла невысокая кладбищенская церковь. У притвора на низенькой лавкѣ дремалъ стариіокъ, по виду, дальній богомолецъ, и возлѣ него, наскакивая другъ на друга, спорили и бранились двѣ старухи-нищенки.

Когда о. Игнатій подходилъ къ дому, уже потемнѣло, и въ комнатѣ Ольги Степановны горѣлъ огонь. Не раздѣваясь и не снимая шляпы, пыльный и оборванный о. Игнатій быстро прошелъ къ женѣ и упалъ на колѣни.

— Мать... Оля... пожалѣй же меня! —рыдалъ онъ. — Я съ ума схожу.

И онъ бился головой окрай стола и рыдал бурно, мучительно, какъ человѣкъ, которылй никогда не плачетъ. И онъ поднялъ голову, увѣренный, что сейчасъ совершится чудо, и жена заговоритъ и пожалѣетъ его.

— Родная!

Всѣмъ большимъ тѣломъ потянулся онъ къ женѣ — и встрѣтилъ взглядъ сѣрыхъ глазъ. Въ нихъ не было ни сожалѣнія, ни гнѣва. Быть можетъ, жена прощала и жалѣла его, но въ глазахъ не было ни жалости, ни прощенія. Они были нѣмы и молчали.

....

И молчалъ весь темный опустѣвшій домъ.

3 0112 115469493